

О ДАТИРОВКЕ ПОТЕРИ РИМЛЯНАМИ ЦИРТЫ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ С ЮГУРТОЙ

(к вопросу о политических симпатиях позднего Саллюстия)

Известно, что о политических симпатиях позднего Саллюстия в современной историографии до сих пор не существует единого мнения. Главным моментом, порождающим разногласия, является вопрос о том, можно ли считать, что в последних своих произведениях — «Югуртинской войне» и «Историях» — Саллюстий становится на позиции римской демократии. Из последних работ, придерживающихся этой точки зрения, значительный интерес представляет книга С. Л. Утченко. По мнению С. Л. Утченко, «Саллюстий выступает перед нами в этот период как один из последних представителей и идеологов римской демократии»¹. Мы позволим себе не согласиться с этим выводом и на примере анализа одного из событий Югуртинской войны постараемся показать, что политические взгляды позднего Саллюстия очень далеки от демократизма, или, во всяком случае, они отличались значительно более сложным и противоречивым характером, чем это обычно кажется.

Вопрос о времени возвращения Югуртой города Цирты далеко неясен историкам, изучающим Югуртинскую войну. Саллюстий постоянно ставится в упрек отсутствие в его «Югуртинской войне» упоминания о таком существенном событии этой войны, как взятие Цирты нумидийским царем². Подавляющее большинство историков полагает, что Цирта, захваченная Метеллом в ходе кампании 108 г., была отвоевана Югуртой в 106 г., то есть во время командования Марии³. Единственным доказательством этого утверждения является предположение, что в своем рейде к реке Мулуке на границе Мавритании Марий должен был базироваться на Цирту. Когда же Югурта овладел этой важной базой, римляне должны были вернуться от границ Мавритании в район Цирты. Не говоря уже о трудности сколько-нибудь точной локализации реки Мулуки⁴, можно считать это предположение натянутым. Уже сами исследователи, выдвинувшие эту точку зрения, отмечали, что при настоящем состоянии источников вряд ли возможно с бесспорностью утверждать что-либо, касающееся обстановки кампании 106 г. и планов ее участников⁵. Однако, если вновь обратиться к тексту Саллюстия, то возможно установить время возвращения Цирты Югуртой.

Известно, что во всей «Югуртинской войне» Саллюстий только один раз вскользь упоминает, что Югурта планировал взятие Цирты обратно. Соединившись с мавританским царем Бокхом, Югурта двинулся к этому городу. Предпринимая этот марш на Цирту, Югурта, как пишет Саллюстий, поставил тем самым Метелла перед выбором: или Метелл в результате этого маневра Югурты должен дать соединенным силам мавров и нумидийцев решительное сражение — к чему стремился и сам Югурта — или Югурта отнимает у римлян Цирту (Sall., Jug., 81, 2—3). Скнуо останавливаясь на стратегических особенностях этой войны, Саллюстий указывает далее, что воздержаться от сражения с силами Югурты и Бокха для римлян в тот момент было равносильно потере Цирты⁶:

¹ С. Л. Утченко, Идеино-политическая борьба в Риме накануне падения республики, М., 1952, стр. 138.

² См., например, M. H o l r o u d, Jugurthine war: was Metellus or Marius the real victor?, JRS, № 18 (1928), стр. 5; S. G s e l l, Histoire de l'Afrique du Nord, P., 1928, VII, стр. 130—131.

³ САН, IX, стр. 125, прим. 1; H. G s e l l, ук. соч., стр. 121; 241—242; H o l r o u d, ук. соч., стр. 5.

⁴ Река Мулука различными авторами отождествлялась с l'oued Mellèque, l'oued Sahel, l'oued Soummane, l'oued Moulouvia. См. по этому поводу G s e l l, ук. соч., V, стр. 91—93; VII, стр. 263.

⁵ САН, IX, стр. 115.

⁶ S a l l., Jug., 81, 2—3: Ita Jugurtha ratus aut capta urbe operae preitum fore, aut si Romanus auxilio suis venisset, proelio sese certaturos.

Цирта сделалась стратегической целью Югурты. Затем Саллюстий оставляет, в стороне дальнейшую судьбу Цирты и более к этому вопросу не возвращается. Между тем, несомненно, обладание столь важной крепостью, как Цирта, расположенной на главных коммуникациях и являвшейся одновременно древней столицей Нумидии, давало захватившему ее господство над западной частью страны, пограничной с римской провинцией. Какие же действия предпринял римский главнокомандующий для спасения города? Саллюстий сообщает, что Метелл решил воздержаться от немедленного сражения, находясь в малоблагоприятных условиях, и, заняв укрепленную позицию близ Цирты, стал ждать прихода царей, намереваясь изучать тактику мавров и дать бой в обстановке, максимально благоприятной для римлян. Таким образом, можно предполагать, что Метелл уклонился от сражения, которое, как видно из предшествующего сообщения Саллюстия, только и могло спасти Цирту. Естественно предположить, что именно в этот момент Цирта и могла быть взята Югуртой. Саллюстий сообщает также, что Метелл с этого момента и до самого окончания своего командования в Нумидии, действуя в ущерб Марию, не возобновлял более активных военных действий (Sall., Iug., 83, 1—3). Следовательно, у Югурты было достаточно времени, чтобы осаждать Цирту, если бы и оказалось невозможным взять ее штурмом¹. Несомненно, потеря Цирты в последний период командования Метелла должна была в значительной мере усложнить положение Мария в его первых кампаниях. Действительно, Саллюстий сообщает, что нумидийский и мавританский цари, узнав о прибытии Мария, отступили в неприступные места (in locos difficiles — Sall., Iug., 87, 4). Дальнейший рассказ Саллюстия позволяет думать, что одним из этих неприступных мест была Цирта, так как Марий в первый период своего командования ведет борьбу с Югуртой именно в районе Цирты (haut procul ab oppido Cirta, — Sall., Iug., 88, 3). Далее Саллюстий указывает, что эти операции привели Мария к убеждению, что для победного окончания войны необходимо вытеснить Югурту из укрепленных городов, иначе все успешные действия римлян не имеют смысла (Sall., Iug., 88, 4). Естественно, что такие выводы могли быть только результатом столкновения с противником, опиравшимся в своих действиях на сильные крепости. Если вспомнить, что операции велись в районе Цирты, известной своей неприступностью, то все это является еще одним доказательством в пользу предположения, что Цирта к моменту прибытия Мария в Африку уже находилась в руках Югурты, а не принадлежала римлянам, как это обыкновенно полагают². Если принять наше предположение, что виновником потери Цирты был не Марий, а Метелл, то станет очевидным, что весь рассказ Саллюстия, касающийся последнего периода командования Метелла, ставит своей задачей скрыть те действия, которые могли быть вменены в вину этому полководцу. Это соображение увязывается также с общим отношением Саллюстия к Метеллу³. Описывая прибытие Метелла в Рим после его отстранения с поста главнокомандующего в Африке, Саллюстий утверждает, что Метелл был встречен общим ликованием, так как он был равно приятен как народу, так и знати (Sall., Iug., 88, 1), хотя из других источников (Aul. Gell., XII, 9.4; VII (VI), 11, 2; Prise, Instit., VIII, 17) известно, что вокруг преставления Метеллу триумфа за его командование в Нумидии разгорелась ожесточенная борьба, начатая по инициативе оппозиционно настроенных народных трибунов. То, что Метелл, несмотря на все усилия сената, долгое время не мог получить триумф, доказывает, что его действия в период командования в Африке не рассматривались

¹ Невозможно согласиться с мнением Нолгоуд, ук. соч., стр. 5, что у Югурты не было необходимости осаждать Цирту, так как ее укрепления были разрушены еще в 112 г. и с тех пор не восстанавливались. Но в 112 г. Цирта не была взята штурмом (капитуляция ее была вызвана голодом), так что городские укрепления могли остаться неразрушенными (Sall., Iug., 26, 1—3).

² Примечательно также и то, что Метелл постарался избежать личной встречи с Марием, приехавшим принять командование над римской армией в Африке (Sall., Iug., 86, 5).

³ См. C. Gerstenberg, Ist Sallust ein Parteischriftsteller., В., 1893.

как вполне удачные. Это также может служить дополнительным доказательством того, что Цирта была потеряна именно в период командования Метелла. Что же касается симпатии Саллюстия к Метеллу, то о них может свидетельствовать тот факт, что начало точке зрения, считающей истинным победителем в Югуртинской войне Метелла, а не Мария, положила именно версия Саллюстия¹. По-видимому, именно симпатиями Саллюстия к Метеллу и объясняется отсутствие в его «Югуртинской войне» упоминания не только о взятии Цирты Югуртой, но и о новом захвате ее римлянами в период командования Марием². Поскольку Саллюстий умолчал о потере Цирты Метеллом, ему пришлось умолчать также и о новом захвате Цирты Марием.

Однако если принять изложенную выше точку зрения, то возникает вопрос: как при наличии в Риме сильной оппозиции сенату могла сойти безнаказанно для Метелла потеря Цирты? И на этот вопрос, как мне кажется, мы можем найти ответ у того же Саллюстия.

Саллюстий сообщает, что Югурта, предпринимая свой марш на Цирту, кроме всего прочего, ставил перед собой задачу лишить Бокха возможности примириться с римлянами (Sall., Jug., 81, 4). Действительно, мавры тогда еще не пришли в непосредственное соприкосновение с римлянами, и для Бокха оставалась возможность избежать конфликта с ними. Из дальнейшего рассказа Саллюстия видно, что Метелл, истинным мотивом действий которого было желание создать затруднения Марию (Sall., Jug., 83, 2—3), маскировал свои действительные намерения стремлением уклониться от столкновения с маврами. Переговоры, которые вел с Бокхом Метелл, имели целью парализовать действия Югурты, стремившегося втянуть Мавританию в войну с Римом (Sall., Jug., 83, 1). Эта тактика Метелла могла служить оправданием его бездействия в период осады Цирты царями и затем после ее падения. В качестве причины, заставившей Метелла удержаться от сражения с наступающими на Цирту царями, Саллюстий указывает на желание Метелла предварительно ознакомиться с тактикой мавров, бывших для римлян совершенно новым и неизвестным врагом (Sall., Jug., 82, 1).

Поэтому в этом рассказе Саллюстия, можно усматривать также и мотивы, которыми оправдывалось бездействие Метелла. Можно предполагать, что именно это обстоятельство отразилось в спорах, разгоревшихся вокруг предоставления Метеллу триумфа, но поскольку Метелл, в конце концов, получил триумф, мотивы, реабилитирующие его, получили перевес в глазах общественного мнения римлян. Этим Метелл обязан был, видимо, как своей репутации, считавшейся до сих пор безупречной (Sall., Jug., 43, 2; Cic., Pro Cluen., 35, 95; Vell., II, 11, 1), так и ловким маневрам сената, имевшего все основания опасаться повторения скандального процесса, подобного следствию по закону Мамилия (Sall., Jug., 40, 1—5; Cic., Brut., 34, 128).

Таким образом, на основании приведенных фактов представляется возможным считать, что в «Югуртинской войне» симпатии Саллюстия на стороне оптимата Метелла, хотя известно, что к партии оптиматов в целом Саллюстий не питал никаких симпатий. Но отрицательное отношение Саллюстия к знати вообще еще не может являться несомненным свидетельством его демократизма. Известно, сколь критически относился Саллюстий к Марию (Sall., Jug., 63, 6; 64, 5; 65, 1—5).

На наш взгляд, Саллюстий в равной мере не симпатизировал ни знати, ни так называемому римскому народу того времени. Метелл же, как образец «настоящего аристократа», как некий идеал прежних гражданских доблестей римлянина старого закала, от которого все более и более отдалялись современные Саллюстию оптиматы, именно поэтому и мог вызвать у него особое расположение. В этой связи и опущено Саллюстием сообщение о потере римлянами Цирты в период командования Метелла.

Б. П. Селецкий

¹ Т. Моммзен, История Рима, М., 1937, т. II, стр. 148—149; А. Гренидге, History of Rome, т. I, L, 1904, стр. 435.

² О захвате Цирты Марием в 106 г. мы узнаем из сообщений Диона Кассия (LXXXIX, 5) и Орозия V, 15, 10).